

О.Генри

Голос большого города
(сборник рассказов)

ФТМ

О. Генри

Голос большого города (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137652
Голос большого города (сборник): ФТМ;
ISBN 978-5-4467-2306-5

Аннотация

Один из самых известных юмористов в мировой литературе, О. Генри создал уникальную панораму американской жизни на рубеже XIX–XX веков, в гротескных ситуациях передал контрасты и парадоксы своей эпохи, открывшей простор для людей с деловой хваткой, которых игра случая то возносит на вершину успеха, то низвергает на самое дно жизни.

«Существует поговорка, что тот еще не жил полной жизнью, кто не знал бедности, любви и войны. Справедливость такого суждения должна прельстить всякого любителя сокращенной философии. В этих трех условиях заключается все, что стоит знать о жизни. Поверхностный мыслитель, возможно, счел бы, что к этому списку следует прибавить еще и богатство. Но это не так. Когда бедняк находит за подкладкой жилета давным-давно провалившуюся в прореху четверть доллара, он забрасывает лот в такие глубины жизненной радости, до каких не добраться ни одному миллионеру...»

Содержание

Один час полной жизни	4
Комедия любопытства	8
Адское пламя	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

О. Генри

Голос большого города

(рассказы из авторского сборника)

Один час полной жизни

(Перевод Нины Дарузес)

Существует поговорка, что тот еще не жил полной жизнью, кто не знал бедности, любви и войны. Справедливость такого суждения должна прельстить всякого любителя сокращенной философии. В этих трех условиях заключается все, что стоит знать о жизни. Поверхностный мыслитель, возможно, счел бы, что к этому списку следует прибавить еще и богатство. Но это не так. Когда бедняк находит за подкладкой жилета давным-давно провалившуюся в прореху четверть доллара, он забрасывает лот в такие глубины жизненной радости, до каких не добраться ни одному миллионеру.

По-видимому, так распорядилась мудрая исполнительная власть, которая управляет жизнью, что человек неизбежно проходит через все эти три условия; и никто не может быть избавлен от всех трех.

В сельских местностях эти условия не имеют такого значения. Бедность гнетет меньше, любовь не так горяча, война сводится к дракам из-за соседской курицы или границы участка. Зато в больших городах наш афоризм приобретает особую правдивость и силу, и некоему Джону Гопкинсу досталось в удел испытать все это на себе в сравнительно короткое время.

Квартира Гопкинса была такая же, как тысячи других. На одном окне стоял фикус, на другом сидел блохастый терьер, изнывая от скуки.

Джон Гопкинс был такой же, как тысячи других. За двадцать долларов в неделю он служил в девятиэтажном кирпичном доме, занимаясь не то страхованием жизни, не то подъемниками Бокля, а может быть, педикюром, ссудами, блоками, переделкой горжеток, изготовлением искусственных рук и ног или же обучением вальсу в пять уроков с гарантией. Не наше дело догадываться о призвании мистера Гопкинса, судя по этим внешним признакам.

Миссис Гопкинс была такая же, как тысячи других. Золотой зуб, склонность к сидячей жизни, охота к перемене мест по воскресеньям, тяга в гастрономический магазин за домашними лакомствами, погоня за дешевкой на распродажах, чувство превосходства по отношению к жилище третьего этажа с настоящими страусовыми перьями на шляпке и двумя фамилиями на двери, тягучие часы, в течение которых она липла к подоконнику, бдительное уклонение от визитов сборщика взносов за мебель, неутомимое внимание к акустическим эффектам мусоропровода – все эти свойства обитательницы нью-йоркского захолустья были ей не чужды.

Еще один миг, посвященный рассуждениям, – и рассказ двинется с места.

В большом городе происходят важные и неожиданные события... Заворачиваешь за угол и попадаешь острием зонта в глаз старому знакомому из Кутни-Фоллис. Гуляешь в парке, хочешь сорвать гвоздику – и вдруг на тебя нападают бандиты, «Скорая помощь» везет тебя в больницу, ты женишься на сиделке; разводишься, перебиваешься кое-как с хлеба на квас, стоишь в очереди в ночлежку, женишься на богатой наследнице, отдаешь белье в стирку, платишь членские взносы в клуб – и все это в мгновение ока. Бродишь по улицам, кто-то манит тебя пальцем, роняет к твоим ногам платок, на тебя роняют кирпич, лопаются

трос в лифте или твой банк, ты не ладишь с женой или твой желудок не ладит с готовыми обедами – судьба швыряет тебя из стороны в сторону, как кусок пробки в вине, откупоренном официантом, которому ты не дал на чай. Город – жизнерадостный малыш, а ты – красная краска, которую он слизывает со своей игрушки.

После уплотненного обеда Джон Гопкинс сидел в своей квартире строгого фасона, тесной, как перчатка. Он сидел на каменном диване и сытыми глазами разглядывал «Искусство на дом» в виде картинки «Буря», прикрепленной кнопками к стене. Миссис Гопкинс вялым голосом жаловалась на кухонный чад из соседней квартиры. Блохастый терьер человеконенавистнически покосился на Гопкинса и презрительно обнажил клыки.

Тут не было ни бедности, ни войны, ни любви; но и к такому бесплодному стволу можно привить эти три основы полной жизни.

Джон Гопкинс попытался вклеить изюминку разговора в пресное тесто существования.

– В конторе ставят новый лифт, – сказал он, отбрасывая личное местоимение, – а шеф начал отпускать бакенбарды.

– Да что ты говоришь! – отозвалась миссис Гопкинс.

– Мистер Уиплз пришел нынче в новом весеннем костюме. Мне очень даже нравится. Такой серый, в... – Он замолчал, вдруг почувствовав, что ему захотелось курить. – Я, пожалуй, пройду до угла, куплю себе сигару за пять центов, – заключил он.

Джон Гопкинс взял шляпу и направился к выходу по затхлым коридорам и лестницам доходного дома.

Вечерний воздух был мягок, на улице звонко распевали дети, беззаботно прыгая в такт непонятым словам напева. Их родители сидели на порогах и крылечках, покуривая и болтая на досуге. Как это ни странно, пожарные лестницы давали уют влюбленным парочкам, которые раздували начинающийся пожар, вместо того чтобы потушить его в самом начале.

Табачную лавочку на углу, куда направлялся Джон Гопкинс, содержал некий торговец по фамилии Фрешмейер, который не ждал от жизни ничего хорошего и всю землю рассматривал как бесплодную пустыню. Гопкинс, не знакомый с хозяином, вошел и добродушно спросил «пучок шпината, не дороже трамвайного билета». Этот неуместный намек только усугубил пессимизм Фрешмейера; однако он предложил покупателю товар, довольно близко отвечавший требованию. Гопкинс откусил кончик сигары и закурил ее от газового рожка. Сунув руку в карман, чтобы заплатить за покупку, он не нашел там ни цента.

– Послушайте, дружище, – откровенно объяснил он. – Я вышел из дому без мелочи. Я вам заплачу в первый же раз, как буду проходить мимо.

Сердце Фрешмейера дрогнуло от радости. Этим подтверждалось его убеждение, что весь мир – сплошная мерзость, а человек есть ходячее зло. Не говоря худого слова, он обошел вокруг прилавка и с кулаками набросился на покупателя. Гопкинс был не такой человек, чтобы капитулировать перед впавшим в пессимизм лавочником. Он моментально подставил Фрешмейеру золотисто-лиловый синяк под глазом в уплату за удар, нанесенный сгоряча любителем наличных.

Стремительная атака неприятеля отбросила Гопкинса на тротуар. Там и разыгралось сражение: мирный индеец со своей деревянной улыбкой был повержен в прах, и уличные любители побоищ столпились вокруг, созерцая этот рыцарский поединок.

Но тут появился неизбежный полисмен, что предвещало неприятности и обидчику, и его жертве. Джон Гопкинс был мирный обыватель и по вечерам сидел дома, решая ребусы, однако он был не лишен того духа сопротивления, который разгорается в пылу битвы. Он повалил полисмена прямо на выставленные бакалейщиком товары, а Фрешмейеру дал такую затрещину, что тот пожалел было, зачем он не завел обыкновения предоставлять хотя бы некоторым покупателям кредит до пяти центов. После чего Гопкинс бросился бегом

по тротуару, а в погоню за ним – табачный торговец и полисмен, мундир которого наглядно доказывал, почему на вывеске бакалейщика было написано: «Яйца дешевле, чем где-либо в городе».

На бегу Гопкинс заметил, что по мостовой, держась наравне с ним, едет большой низкий гоночный автомобиль красного цвета. Автомобиль подъехал к тротуару, и человек за рулем сделал Гопкинсу знак садиться. Он вскочил на ходу и повалился на мягкое оранжевое сиденье рядом с шофером. Большая машина, фыркающая все глуше, летела, как альбатрос, уже свернув с улицы на широкую авеню.

Шофер вел машину, не говоря ни слова. Автомобильные очки и дьявольский наряд водителя маскировали его как нельзя лучше.

– Спасибо, друг, – благодарно обратился к нему Гопкинс – Ты, должно быть, и сам честный малый, тебе противно глядеть, когда двое нападают на одного. Еще немножко, и мне пришлось бы плохо.

Шофер и ухом не повел – будто не слышал. Гопкинс передернул плечами и стал жевать сигару, которую так и не выпускал из зубов в продолжение всей свалки.

Через десять минут автомобиль влетел в распахнутые настежь ворота изящного особняка и остановился. Шофер выскочил из машины и сказал:

– Идите скорей. Мадам объяснит все сама. Вам оказывают большую честь, мсье. Ах, если бы мадам поручила это Арману! Но нет, я всего-навсего шофер.

Оживленно жестикулируя, шофер провел Гопкинса в дом. Его впустили в небольшую, но роскошно убранную гостиную. Навстречу им поднялась дама, молодая и прелестная, как видение. Ее глаза горели гневом, что было ей весьма к лицу. Тоненькие, как ниточки, сильно изогнутые брови красиво хмурились.

– Мадам, – сказал шофер, низко кланяясь, – имею честь докладывать, что я был у мсье Лонг и не застал его дома. На обратном пути я увидел, что вот этот джентльмен, как это сказать, бьется с неравными силами – на него напали пять... десять... тридцать человек, и жандармы тоже. Да, мадам, он, как это сказать, побил одного... три... восемь полисменов. Если мсье Лонга нет дома, сказал я себе, то этот джентльмен так же сможет оказать услугу мадам, и я привез его сюда.

– Очень хорошо, Арман, – сказала дама, – можете идти. – Она повернулась к Гопкинсу.

– Я посылала шофера за моим кузеном, Уолтером Лонгом. В этом доме находится человек, который обращался со мной дурно и оскорбил меня. Я пожаловалась тете, а она смеется надо мной. Арман говорит, что вы храбры. В наше прозаическое время мало таких людей, которые были бы и храбры, и рыцарски благородны. Могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

Джон Гопкинс сунул окурок сигары в карман пиджака и, взглянув на это очаровательное существо, впервые в жизни ощутил романтическое волнение. Это была рыцарская любовь, вовсе не означавшая, что Джон Гопкинс изменил квартирке с блохастым терьером и своей подруге жизни. Он женился на ней после пикника, устроенного вторым отделением союза этикетчиц, поспорив со своим приятелем Билли Макманусом на новую шляпу и порцию рыбной солянки. А с этим неземным созданием, которое молило его о помощи, не могло быть и речи о солянке; что же касается шляп, то лишь золотая корона с бриллиантами была ее достойна!

– Слушайте, – сказал Джон Гопкинс, – вы мне только покажите этого парня, который действует вам на нервы. До сих пор я, правда, не интересовался драться, но нынче вечером никому не спущу.

– Он там, – сказала дама, указывая на закрытую дверь. – Идите. Вы уверены, что не боитесь?

– Я? – сказал Джон Гопкинс. – Дайте мне только розу из вашего букета, ладно?

Она дала ему красную-красную розу. Джон Гопкинс поцеловал ее, воткнул в жилетный карман, открыл дверь и вошел в комнату. Это была богатая библиотека, освещенная мягким, но сильным светом. В кресле сидел молодой человек, погруженный в чтение.

– Книжки о хорошем тоне – вот что вам нужно читать, – резко сказал Джон Гопкинс. – Подите-ка сюда, я вас проучу. Да как вы смеете грубить даме?

Молодой человек слегка изумился, после чего он томно поднялся с места, ловко схватил Гопкинса за руки и, невзирая на сопротивление, повел его к выходу на улицу.

– Осторожнее, Ральф Бранскомб! – воскликнула дама, которая последовала за ними. – Обращайтесь осторожней с человеком, который доблестно пытался защитить меня.

Молодой человек тихонько вытолкнул Джона Гопкинса на улицу и запер за ним дверь.

– Бесс, – сказал он спокойно, – напрасно ты читаешь исторические романы. Каким образом попал сюда этот субъект?

– Его привез Арман, – сказала молодая дама – По-моему, это такая низость с твоей стороны, что ты не позволил мне взять сенбернара. Вот потому я и послала. Армана за Уолтером. Я так рассердилась на тебя.

– Будь благоразумна, Бесс, – сказал молодой человек, беря ее за руку. – Эта собака опасна. Она перекусила уже нескольких человек на псарне. Пойдем лучше скажем тете, что мы теперь в хорошем настроении.

И они ушли рука об руку.

Джон Гопкинс подошел к своему дому. На крыльце играла пятилетняя дочка швейцара. Гопкинс дал ей красивую красную розу и поднялся к себе.

Миссис Гопкинс лениво заворачивала волосы в папильотки.

– Купил себе сигару? – спросила она равнодушно.

– Конечно, – сказал Гопкинс, – и еще прошелся немножко по улице. Вечер хороший.

Он уселся на каменный диван, достал из кармана окурки сигары, закурил его и стал рассматривать грациозные фигуры на картине «Буря», висевшей против него на стене.

– Я тебе говорил про костюм мистера Уиплза, – сказал он. – Такой серый, в мелкую, совсем незаметную клеточку, и сидит отлично.

Комедия любопытства (Перевод Нины Дарузес)

Можно избежать смертоносного дыхания анчара, что бы ни говорили любители метафор; можно, если очень повезет, подбить глаз василиску; можно даже увернуться от Цербера и Аргуса; но ни одному человеку, будь он живой или мертвый, невозможно уйти от любопытного взгляда зеваки.

Нью-Йорк – город зевак. Много в нем, конечно, и таких людей, которые идут своей дорогой, сколачивая капитал и не глядя ни направо, ни налево, но есть и целое племя, очень своеобразное, состоящее, наподобие марсиан, единственно из глаз и средств передвижения.

Эти фанатики любопытства, словно мухи, целым роем слетаются на место всякого необычайного происшествия и, затаив дыхание, проталкиваются как можно ближе. Открывает ли рабочий люк, попадает ли под трамвай житель северной окраины, роняет ли мальчишка яйцо на тротуар, возвращаясь домой из лавочки, теряет ли дама мелкую монету, выпавшую из дыры в перчатке, увозит ли полиция телефон и записи скаковых ставок из читальни Ибсеновского общества, провалятся ли в подzemку один-два дома или сенатор Депью выйдет на прогулку – при всяком счастливом или несчастном случае племя зевак, теряя разум, неудержимо стремится к месту происшествия.

Важность события не играет роли. С одинаковым интересом и увлечением они глязуют и на опереточную певичку, и на человека, малюющего рекламу пилюль против печени. Они готовы обступить тесным кругом и колченогого инвалида и буксирующий автомобиль. Они страдают манией любопытства. Это зрительные обжоры, которые наслаждаются несчастьем ближнего, захлебываются им. Они смотрят, глядят, пялятся, таращатся мутными рыбьими глазами на приманку несчастья, словно пучеглазый окунь.

Казалось бы, эти одержимые любопытством являют собой совсем неподходящую дичь для пламенных стрел Купидона, однако даже среди простейших трудно найти совершенно невосприимчивую особь. Да, прекрасная богиня романтики осенила своим крылом двух представителей племени зевак, и любовь проникла в их сердца, когда они стояли над распростертым телом человека, которого переехал фургон с пивом.

Уильям Прай первым прибыл на место. Он был знатоком по части таких зрелищ. Весь сияя от радости, он стоял над жертвой несчастного случая и внимал ее стонам, словно нежнейшей музыке. Толпа зевак плотно сгрудилась вокруг жертвы, и Уильям Прай заметил сильное движение в этой толпе как раз против того места, где он стоял. Какое-то стремительно несущееся тело рассекало толпу, словно смерч, отшвыривая людей в стороны. Орудия локтями, зонтиком, шляпной булавкой, языком и ногтями, Вайолет Сеймур прокладывала себе дорогу в первый ряд зрителей. Силачи, которые без труда садились на гарлемский поезд в 5.30, отлетали, как слабые дети, столкнувшись с ней на пути к центру. Две солидные дамы, своими глазами видевшие свадьбу герцога Роксборо и не раз останавливавшие все движение на Двадцать третьей улице, после встречи с Вайолет отступили во второй ряд, оправляя порванные блузки. Уильям Прай полюбил ее с первого взгляда.

Карета «Скорой помощи» увезла бессознательного пособника Купидона. Уильям и Вайолет остались и после того, как толпа разошлась. Это были настоящие зевачи. Люди, которые покидают место происшествия вместе с каретой скорой помощи, лишены тех необходимых элементов, из которых состоит истинное любопытство. Тонкий букет события, его настоящий вкус можно распознать только напоследок – пожирая глазами место происшествия, разглядывая пристально дома напротив, замирая в мечтах, с которыми не сравнится

бред курильщика опиума. Вайолет Сеймур, и Уильям Прай знали толк в несчастных случаях и умели извлекать из каждого события весь сок до последней капли.

Потом они посмотрели друг на друга. У Вайолет была коричневая родинка на шее, величиной с серебряные полдоллара. Уильям так и впился в нее глазами. У Прай были необыкновенно кривые ноги. Вайолет дала себе волю и смотрела на них, не отрывая взгляда. Они долго стояли лицом к лицу, глаза друг на друга. Этикет не позволял им заговорить, зато в Городе Зевак разрешается сколько угодно глядеть на деревья в парке и на физические недостатки ближних.

Наконец, они расстались со вздохом. Но пивным фургоном правил Купидон, и колесо, переехавшее чью-то ногу, соединило два любящих сердца.

Во второй раз герой и героиня встретились перед дощатым забором поблизости от Бродвея. День выдался крайне неудачный. Не было драк на улицах, дети не попадали под трамвай, калеки и толстяки в неглиже встречались очень редко; никто не выказывал склонности поскользнуться на банановой корке или упасть в обморок. Не видно было даже чудака из Кокомо, штат Индиана, который выдает себя за родственника бывшего мэра Лоу и швыряет мелочь из окошечка кеба. Глядеть было не на что, и Уильям Прай уже начинал томиться от скуки.

И вдруг он увидел, что перед щитом для объявлений, усиленно толкаясь и пихаясь, стоит целая толпа. Бросившись туда опрометью, он сшиб с ног старуху и мальчишку с бутылкой молока и с нечеловеческой энергией проложил себе дорогу в центр круга. Вайолет Сеймур уже стояла в первом ряду без одного рукава и двух золотых пломб, с вывихнутой рукой и сломанной планшеткой корсета, не помня себя от счастья. Она смотрела на то, что было перед нею. Маляр выписывал на заборе: «Ешьте галеты, от них ваше лицо округлится».

Увидев Уильяма Прай, Вайолет покраснела. Уильям, саданул под ребро даму в черном шелковом реглане, лягнул мальчишку, съездил по уху старого джентльмена и сумел протолкаться поближе к Вайолет. Они стояли рядом целый час, глядя, как маляр выписывает буквы. Потом Уильям не смог дольше скрывать свои чувства. Он дотронулся до ее плеча.

– Пойдемте со мной, – сказал он. – Я знаю, где сидит чистильщик сапог без кадыка.

Она бросила на него застенчивый взгляд, но этот взгляд светился несомненной любовью, преобразившей ее лицо.

– И вы приберегли это для меня? – спросила она, вся объятая смутным трепетом первого объяснения и любви.

Они вместе побежали к ларьку чистильщика и простояли больше часа, глаза на юного уроды.

На тротуар перед ними упал с пятого этажа мойщик окон. Когда подъехала «Скорая помощь», давая сигналы, Уильям радостно пожал руку Вайолет.

– Четыре ребра по меньшей мере и сложный перелом, – быстро шепнул он. – Ты не жалеешь, что встретила меня, дорогая?

– Я? – сказала Вайолет, отвечая на его пожатие. – Конечно, не жалею. Я могла бы целый день стоять и глазеть рядом с тобой.

Спустя несколько дней их роман достиг высшей точки. Быть может, читатель помнит, какое волнение переживал весь город, когда негритянке Элизе Джейн надо было вручить судебную повестку. Все племя зевало глазло, не сходя с места. Уильям Прай своими руками положил доску на два пивных бочонка напротив того дома, где жила Элиза Джейн. Они с Вайолет просидели там три дня и три ночи. Потом одному сыщику пришлось в голову, что можно открыть двери и вручить повестку. Он послал за кинетоскопом и так и сделал.

Две души с такими сродными стремлениями неминуемо должны были соединиться. Уильям Прай и Вайолет Сеймур обручились в тот же вечер, после того как полисмен прогнал

их резиновой дубинкой. Семена любви пали на добрую почву, дружно взошли и расцвели пышным цветом.

Свадьба была назначена на десятое июня. Большая церковь была вся завалена цветами. Многочисленное племя зевак, рассеянное по всему свету, просто помешано на свадьбах. Это пессимисты на церковных скамьях. Они высмеивают жениха и издеваются над невестой. Они приходят потешаться над вашим браком, а если вам удастся сбежать от Гименея на бледном коне смерти, они являются на похороны, садятся на ту же скамью и оплакивают ваше счастливое избавление. Любопытство – растяжимое понятие.

Церковь была ярко освещена. На асфальтовом тротуаре был разложен бархатный ковер, доходивший до самой мостовой. Подружки невесты расправляли друг другу ленты на поясе и перешептывались насчет невестиных веснушек. Кучера украшали свои кнуты белыми бантами и жалели, что время от выпивки до выпивки тянется так долго. Пастор размышлял о том, сколько ему заплатят, и соображал, хватит ли этих денег на новый костюм для него самого и на портрет Лауры Джейн Либби для его жены. Да, в воздухе реял Купидон.

И перед церковью, братья мои, волновались и колыхались тесные ряды племени зевак. Они стояли двумя сплошными массами, разделенные ковром и дубинками полицейских. Они толпились, как стадо, дрались, толкались, отступали и наступали и давили друг друга, чтобы увидеть, как девчонка в белой вуали приобретет законное право обыскивать карманы мужа, пока он спит.

Однако час, назначенный для свадьбы, наступил и прошел, а жениха с невестой все не было. Нетерпение сменилось тревогой, тревога привела к поискам, но героев дня нигде не могли найти. Тут вмешались в дело два дюжих полисмента и вытащили из разъяренной толпы зевак помятого и полузадохшегося субъекта с обручальным кольцом в жилетном кармане и громко рыдающую растрепанную женщину, всю оборванную и в синяках.

Уильям Прай и Вайолет Сеймур, верные привычке, смешались с буйной толпой зрителей, не устояв перед обуревавшим их желанием видеть самих себя в роли жениха и невесты входящими в убранную розами церковь.

Любопытство – то же шило в мешке.

Адское пламя **(Перевод Абеля Старцева)**

Есть у меня два-три знакомых редактора, к которым я, если вздумаю, могу хоть сейчас зайти поболтать на литературные темы. Раньше бывало, что они вызывали меня для беседы на литературные темы. Это не то же самое. Так вот, они мне рассказывали, что немалая часть рукописей, приходящих в редакцию, имеет приписку от автора, где он клянется, что его сочинение «взято из жизни». Дальнейшая судьба такой рукописи зависит лишь от того, приложена к ней или нет почтовая марка. Если приложена, рукопись уходит назад к сочинителю. Нет – она летит в угол, где ее уже ждет пара старых калош, опрокинутая статуэтка крылатой Победы или груда старых журналов, на обложке одного из которых изображен сам редактор, увлеченно читающий в подлиннике «Le Petit Journal»¹ (держа его вверх ногами – это видно по иллюстрациям). Легендарная редакционная корзина для отвергнутых рукописей на самом деле не существует.

Итак, факты жизни – в презрении. Пройдет время, наука, природа, истина вотрутся в доверие к искусству. С фактами станут считаться. Злодеев потянут к ответу вместо того, чтобы выбирать их в правление акционерного общества. Но пока что вымысел живет в разводе с действительностью, платит ей алименты и выступает опекуном репортерских отчетов.

Вся эта преамбула здесь к тому, что я хочу рассказать вам историю «из жизни». Как таковая, она будет предельно простой. Все прилагательные я постараюсь заменить на предлоги и, если вы уловите в ней хоть какое-либо изящество слога, знайте, это вина наборщика. Я предложу вам рассказ из литературного быта большого города, и он будет полезен каждому в Госпорте, штат Индиана (и на двадцать пять миль в окружности), у кого на столе лежит готовая рукопись, начинающаяся примерно такими словами: «В старой ратуше еще слышались клики восторженных избирателей, но Гарвуд, тепло пожав руки своим верным друзьям и помощникам, уже пробивал путь в толпе, поспешая к судье Кресвеллу, где его ждала Айда».

Петтит прибыл из Алабамы, чтобы посвятить жизнь изящной словесности. В южных газетах уже появились восемь его рассказов с примечанием редакции, разъяснявшим, что автор – «сын нашего доблестного майора Петтингила Петтита, героя сражения при Лукаут-Маунтен и бывшего окружного судьи».

Петтит был молодым человеком несколько сурового вида, из застенчивости скрывавшим свою большую начитанность. Мы с ним были друзьями. Отец его держал лавку в городке, называвшемся Хосиа. Петтит вырос в хосийских сосновых лесах и ракичниках. Он привез в саквояже два рукописных романа о похождениях в Пикардии в 1329 году некоего Гастона Лабуле, виконта де Монрепо. Не станем его осуждать, это может случиться с каждым. А потом мы вдруг пишем сногшибательный очерк о малютке-газетчике и его колченогой собаке, и наш очерк печатают; ну, а потом... покупаем большой чемодан и ходим от дома к дому, предлагая усовершенствованные газовые горелки по доллару и двадцать пять центов за штуку: «Необходимо каждой хозяйке!»

Я привел Петтита в красный кирпичный дом, который в дальнейшем, когда мы со всем этим покончили, был увековечен в статье «Литературные реликвии старого Нью-Йорка». Петтит снял комнату, – лавка в Хосии пока что брала на себя его содержание. Я повел его по Нью-Йорку, и он не сказал мне ни разу, что авеню Генерала Ли у них в Хосии значительно шире Бродвея. Это меня обнадежило, и я решил на последний экзамен.

---

¹ «Маленький журнал» (фр.).

– А что, если тебе написать о Нью-Йорке, – сказал я ему. – Скажем, «Вид с Бруклинского моста». Знаешь, взглянуть свежим глазом...

– Постарайся не быть идиотом, – ответил мне Петтит, – пойдем выпьем пива. Город мне в общем понравился.

Мы с ним обнаружили подлинное царство богемы и были в большом восторге. Ежедневно, утром и вечером, мы направлялись в один из этих дворцов из кафеля и стекла, где протекал грандиозный, грохочущий эпос жизни. Даже Валгалла, я думаю, не была столь шумной и славной. Классический мрамор столов, снежно-белые свитки салфеток в облитой светом витрине, безошибочно вагнеровские созвучия в перестуке тарелок и чашек, стакато ножей и вилок, пронзительный речитатив облаченных в белые фартуки дев-официанток у стоек, напоминавших анатомический стол, и лейтмотив неумолчных кассовых аппаратов – все сливалось в гигантский ликующий, возвышающий душу синтез искусств, парад героической, исполненной символов жизни. И порция бобов стоила всего десять центов. Мы изумлялись, что наши собратья, служители муз, продолжают вкушать свои трапезы за унылыми столиками в почитающихся артистическими жалких кухмистерских. И содрогались при мысли, что они могут узнать про наш храм и осквернить его своим посещением.

Петтит писал рассказ за рассказом, но редакторы их браковали. Он писал про любовь, чего избегаю я, ибо твердо уверен, что это давно нам известное и популярное чувство должно обсуждаться лишь в узком кругу (на приеме у психиатра или в беседе с цветочницей), но отнюдь не на страницах общедоступных журналов. А редакторы утверждают, что женская часть их подписчиков хочет читать про любовь.

Позволю себе заметить, что это неверно. Женщины не читают в журналах любовных историй. Они ищут рассказы, где герои режутся в покер, и еще изучают рецепты примочек из огуречного сока. Рассказы с любовным сюжетом читают толстяки коммивояжеры и десятилетние девочки. Я не хулю здесь редакторов. В большинстве своем это прекрасные люди, но все же не более чем люди – каждый из них ограничен собственным вкусом и навыками. Я знавал двух сотрудников в журнальной редакции, схожих, как два близнеца. Но один был привержен к романам Флобера, другой – любил джин.

Когда Петтит возвращался домой с отвергнутыми рукописями, мы садились читать их вдвоем, чтобы лучше понять, чем недоволен редактор. Это были совсем недурные рассказы, гладко написанные и кончавшиеся, как полагается, на последней странице. События в них развивались логично и в должной последовательности. Чего не хватало в них, это живой жизни. Представьте на миг, что вы заказали устрицы и вам подали блюдо симметрично разложенных раковин, но – пустых, без их сочных, соблазнительных обитателей. Не колеблясь я дал понять автору, что надо солиднее знать предмет, о котором пишешь.

– На прошлой неделе ты продал рассказ, – сказал Петтит, – где описана стычка на приисках в Аризоне. Твой герой достает из кармана сорокапятикалиберный кольт и убивает одного за другим семь бандитов. Но кольты такого калибра – шестизарядные.

– Ты путаешь разные вещи, – сказал я. – Аризона далеко от Нью-Йорка. Я могу застрелить человека при помощи лассо и ускакать от погони на паре ковбойских штанов, и никто ничего не заметит – разве какой крохобор настроит на меня кляузу. Ты в иной ситуации. Про любовь здесь, в Нью-Йорке, знают ничуть не меньше, чем где-нибудь в Миннесоте в пору ранней посадки картофеля. Допускаю, что у ньюйоркцев нет той непосредственности – читают не только Байрона, но и биржевой бюллетень (раз уж книжки пошли на Б!). В общем, так или иначе, но этот недуг широко здесь известен. Ты можешь уверить редактора, что ковбой садится в седло, ухватившись за правое стремя, но с любовью, хочешь не хочешь, а должен быть аккуратен. Советую – лично влюбиться, познакомиться с делом практически.

Петтит влюбился. Я так и не знаю, принял он к сведению мой совет или пал жертвой случая.

Он повстречал эту девушку где-то на вечеринке: дерзкую, яркую, золотоволосую, озирающую вас с добродушным презрением нью-йоркскую девушку.

Так вот (зрелый повествовательный стиль разрешает нам время от времени так начинать нашу фразу), Петтит мгновенно рухнул. Познал на собственной шкуре все сомнения, сердечные муки, тоску ожидания, о которых столь бледно писал.

Шейлока клянут за фунт мяса! Амур взыскал с Петтита не менее двадцати пяти фунтов. Так кто же из них ростовщик?

Как-то вечером Петтит явился ко мне сам не свой от восторга. Тощий, измученный, но сам не свой от восторга. Она подарила ему на память цветок.

– Старина, – заявил он с какой-то странной улыбкой, – кажется, я напишу этот рассказ о любви. Тот самый, ты знаешь, за который они ухватятся. Я чувствую, он во мне. Не ручаюсь за то, что получится, но чувствую – он во мне.

Я выгнал его из комнаты.

– За стол и пиши, – приказал я. – Пока не поставишь точку. Я сказал тебе, надо влюбиться. Кончишь, сунешь сюда, под дверь. Не будем ждать до утра.

В два часа ночи послышался шорох под дверь. Прервав беседу с Монтенем, я взялся за Петтита.

Я листал его рукопись, и в ушах у меня не смолкало шипение гусей, легкомысленный щебет воробушков, воркование горлинок, протяжные крики ослов.

– О великая Сафо! – возроптал я в душе. – И это – священное пламя, которое, как утверждают, дает пищу гению и творит из него гражданина с обеспеченным заработком?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.